

Глава 21

— Кто она?

Цзян Цинъюэ задала этот вопрос резко, без обиняков, словно вонзила ледяной клинок между ними двумя.

Жуань Ихань ядовито усмехнулась. Её взгляд скользнул по Цинь Хайяо, словно приглашая ту ответить самой.

Цинь Хайяо стояла под проливным дождём. Бледная как смерть, с поджатыми, но от природы алыми губами.

Кто она?

Игрушка? Разве не сама Ихань говорила, что она даже на роль игрушки не тянет?

Любовница? Но в этой жизни между ними не было близости.

А ведь когда-то...

В прошлой жизни они ездили в уединённое горное поместье. Шли за руку и набрали на бескрайнее лавандовое поле. Ихань не любила цветы, но потакала Хайяо, нежно улыбаясь и увлекая её за собой. На той вилле почти не было людей, кроме хозяина фермы и местных жителей.

Ихань наслаждалась этой умиротворяющей тишиной. Она смотрела, как Хайяо, нетерпеливо высвободив руку, побежала вперёд и склонилась, вдыхая цветочный аромат.

«Если тебе так нравится это место, я его куплю», — рассмеялась тогда Ихань.

«Решила заделаться разбойницей? — шутливо упрекнула её Хайяо. — Какая собственница».

Хотя она и ворчала, на её лице сияла детская, чистая улыбка.

«Ой!» — вдруг вскрикнула Хайяо.

Ихань изменилась в лице и в несколько шагов оказалась рядом.

«Кто здесь? Что за невоспитанные люди мешают мне спать?»

Прямо посреди лаванды лежала изящная девушка. Подложив под голову планшет для рисования и прикрыв лицо шляпой, она ворчала от досады.

Хайяо растерялась, но Ихань вдруг крепко схватила её за руку, округлив глаза от радости:

«Юэюэ!»

«Юэюэ?» — недоуменно повторила Хайяо.

Девушка на земле зашевелилась, что-то буркнула и резко села, небрежно бросив шляпу на планшет.

«Юэюэ, правда ты? — сияла Ихань. — Ты что тут делаешь? Спишь прямо на земле? Не боишься, что на тебя нападут?»

Цзян Циньюэ посмотрела на Ихань, затем на Хайяо и спросила:

«Кто она?»

Кто она?

Ихань расплылась в гордой улыбке и собственнически прижала Хайяо к себе:

«Твоя невестка!»

Циньюэ застыла. В её красивых глазах блеснули слёзы. Хайяо внимательно разглядывала её, пока Ихань захлёб хвасталась:

«Не ожидала? Смотри, какая у меня красавица».

Ихань была слишком увлечена своим триумфом, чтобы заметить чужую печаль. Но Хайяо видела всё. Она даже успела заметить рисунок на планшете, который Циньюэ пыталась прикрыть шляпой.

Там были изображены две девочки, лежащие посреди лавандового поля рука об руку. Одна — в развевающемся летнем платье, а вторая, с травинкой в зубах и задорной улыбкой — Ихань.

Время повернуло вспять.

— Кто она?

Этот вопрос эхом вернул её в прошлое.

Но теперь Ихань больше не сделает шаг навстречу, не обнимет её с гордостью и не заявит всему миру:

«Моя женщина».

Жуань Ихань равнодушно смотрела на её промокшую фигуру, даже не шелохнувшись.

Воздух между ними словно застыл.

— Пройдёшь в дом? На улице ливень, — нарушила молчание Цзян Цинъюэ, посторонившись.

Она недоуменно перевела взгляд на Ихань. В её памяти подруга всегда была мягкой и жалостливой. А тут перед ней стояла промокшая до нитки девушка, явно пришедшая к ней, а Ихань даже слова не проронила.

Цинь Хайяо покачала головой. В её глазах, казалось, отражалась вся серость дождливой ночи:

— Нет, спасибо. Я пришла лишь сказать... спасибо.

Её голос был настолько тихим, что его едва не заглушал шум капель.

— Спасибо, госпожа Жуань, за спасение моей сестры.

Она боялась, что Ихань снова назовёт её игрушкой при свидетелях. Это было бы слишком унижительно.

Чувствуя, что ещё секунда — и она сломается, Хайяо развернулась и бросилась прочь, растворяясь в темноте дождливой ночи.

Цзян Цинъюэ закрыла дверь и повернулась к подруге:

— А-Хань, да что с тобой такое? Я вообще-то с тобой разговариваю!

«Что с тобой такое?»

В последнее время Жуань Ихань слышала этот вопрос слишком часто.

Атмосфера уюта мгновенно улетучилась. Ихань помолчала, уходя от ответа:

— Давай ужинать, всё остынет.

Циньюэ пристально посмотрела на неё. Сердце подсказывало, что происходит нечто неладное, но многолетняя дружба научила её чувствовать, когда Ихань не настроена на откровения.

Немного помолчав, Циньюэ тихо произнесла:

— А-Хань, на этот раз я приехала насовсем.

Ихань сделала глоток колы:

— Тебе сначала нужно освоиться.

На душе у неё было беспокойно. С одной стороны, ей нужна была помощь подруги, с другой — она панически боялась втягивать её в этот омут. Она не знала, что принесёт будущее, но железную хватку Цинь Цинь успела изучить слишком хорошо. Ей было страшно за Циньюэ. Судьба бабушки и А-Ли уже стала для неё жестоким уроком. Но она уже погрязла в этом противостоянии и отступить не могла.

Цзян Циньюэ, заметив её сомнения, глубоко вздохнула:

— Я сказала, что остаюсь. И мне не нужно чьё-либо разрешение, так и знай.

Ихань лишь рассеянно кивнула, списав её тон на обычное упрямство. Она подняла глаза на окно, по стеклу которого хлестал неудержимый ливень. На душе было точно так же серо и дождливо.

Цинь Хайяо шла по улице без зонта. Прохожие спешили укрыться от непогоды, никто не обращал на неё внимания.

Она остановилась у старой развесистой акации, коснулась рукой мокрой коры и медленно опустила на корточки.

Когда-то очень давно они с Ихань сильно поссорились. Тогда Ихань впервые накричала на неё и ушла, громко хлопнув дверью. Хайяо в панике искала её весь вечер.

И нашла здесь, под этой самой акацией.

Ихань сидела на корточках, шмыгая покрасневшим носом, похожая на обиженного кролика. Хайяо подошла и крепко обняла её:

«Глупышка, зачем ты убежала?»

У Жуань было полно недоброжелателей, за ней постоянно следили. Хайяо тогда чуть с ума не сошла от страха.

Ихань шмыгнула носом и буркнула:

«Я сижу тут и жду, когда ты меня найдёшь и заберёшь домой».

Хайяо разозлилась и одновременно растрогалась, поднимая её с земли:

«И это всё, на что тебя хватило? Больше не смей убегать, ты хоть представляешь, как я перепугалась?»

«Всё равно я знала, что ты придёшь за мной, — упрямылась Ихань. — А то раскричалась тут...»

Хайяо шутливо потянула её за ухо:

«Ещё раз так сделаешь — и пальцем не шевельну! Сама как-нибудь сбегу, чтобы ты прочувствовала, каково это».

Ихань лишь прильнула к ней и звонко поцеловала в щеку:

«Я же недалеко убежала. Обещаю: если ты когда-нибудь сбежишь, я не буду злиться, а сразу приду искать тебя сюда».

Сюда?..

Цинь Хайяо сидела под деревом, но Жуань Ихань так и не пришла.

В мыслях вдруг зазвучал тихий, размеренный голос наставницы Хуэйго, перебирающей чётки:

"Сяо Хай, угаснет жизнь — как свеча на ветру, растает — как снег от кипятка. Твоё упрямство, твоя попытка идти против судьбы лишь ранят всех вокруг. Отпусти её. Дай ей уйти и спаси собственную душу".

Отпустить...

Хайяо протянула руку, ловя ледяные капли. Смотреть, как она любит другую? Как улыбается в чужих объятиях? Как стареет рядом с кем-то ещё? Да лучше умереть прямо сейчас.

В этот момент, когда сердце её почти заледенело, на мокрую ладонь плавно опустился сорванный ветром лист.

Хайяо медленно сжала пальцы.

Нет.

Наставница сама говорила, что связь душ длится три жизни. И это её последний шанс.

В первых двух жизнях она никогда не жила для себя. Она была заложницей обстоятельств, пыталась уберечь всех, но в итоге лишь погубила и себя, и тех, кого любила.

Раз уж это последний круг, она проживёт его так, как велит сердце. Без оглядки и страха. И пусть в конце её ждёт крах и бездна — она примет это с улыбкой.

Она вытерпит любые унижения. Она подчинится.

Но Ихань будет принадлежать ей. И только ей.

Никто другой не посмеет даже коснуться её.

Один шаг отделяет святого от демона. Надежда и отчаяние всегда граничат друг с другом.

Она шла по улицам, не замечая времени. Наконец достав телефон, Хайяо набрала номер. Голос её звучал ровно и холодно, в унисон с дождём:

— Дядя, это я.

...

— Нам нужно поговорить.

...

— У меня есть то, что тебя заинтересует.

Повесив трубку, она постояла ещё немного, глядя вслед уезжающему красному джипу, и только потом направилась к дому.

Когда она переступила порог, испуганные Хуан Лань и Цинь Шань бросились к ней. Они хотели расспросить её, но не решались.

Хайяо устало улыбнулась:

— Папа, мама, идите спать. Я же говорила, не нужно меня ждать.

Родители промолчали, лишь проводили её грустными взглядами.

В ванной Хайяо долго стояла под горячими струями воды, но так и не смогла согреться.

"Ты сможешь отступить? Сяо Хай, ты сможешь её отпустить?" — мысленно спросила она себя.

"Нет".

Она давно привыкла жить в аду. Всё вокруг неё было выжженной пустыней, и только Жуань Ихань оставалась тем единственным лучиком света, ради которого стоило карабкаться вверх.

Она не отступит.

Выйдя из душа, она проверила сообщения, отложила телефон и включила песню «Вера». На этот раз слёз не было. Хайяо села на постель и принялась аккуратно красить ногти на ногах в ярко-алый цвет — любимый цвет Ихань.

Нанесла на шею каплю парфюма — любимый аромат Ихань.

"Каждый раз, когда унылый мотив

Берedit старые раны,

Каждый раз, когда бледный лунный свет...

Если б я тогда обняла тебя, если бы поцеловала,

Быть может, всё сложилось бы иначе.

Столько сожалений, столько несбывшихся надежд..."

Натягивая тонкие чёрные чулки, Хайяо тихо подпевала в такт музыке:

— Ты ведь знаешь, моя любовь к тебе — чистая, нерушимая вера. Моя любовь к тебе — тёплая, безграничная сила. И пусть на сердце раны, пусть в душе тревога, пусть весь мир против нас — эта вера приведёт меня к тебе.

В уголках её глаз вскипели слёзы, но она упрямо смахнула их. Накинув лёгкий плащ, Хайяо вышла из комнаты.

Она заглянула к сестре. Цинь Момо уже крепко спала, прижимая к себе плюшевого мишку. При тусклом свете ночника её личико казалось совсем детским. Рядом на тумбочке лежала записка:

«Сестрёнка, ты сегодня не рассказала мне сказку».

Хайяо нежно улынулась. Её длинные волосы скользнули по плечам, когда она наклонилась к спящей девочке:

— Она лгала ей слишком часто. Обо всём на свете. Но слова «я люблю тебя» всегда были чистой правдой.

Поцеловав сестру в лоб, она поправила одеяло и на цыпочках вышла из дома.

Часы показывали без четверти одиннадцать.

Ночная жизнь города только набирала обороты.

Ориентируясь по присланному адресу, Хайяо направилась к бару «Возвращающийся ночью». Ей сообщили, что Жуань Ихань сегодня там.

Она сожгла за собой все мосты. И если придётся удерживать её своим телом — пусть будет так.

Она помнила: с того дня, как мать задумала этот план, вся её жизнь была подчинена одной цели — соблазнить Жуань Ихань.

Хайяо знала все её слабости и вкусы.

В восемнадцать лет, когда Ихань увлеклась фортепиано, Цинь Цинь заставляла Хайяо репетировать каждый вечер. Около одиннадцати часов она приходила в её комнату с бокалом красного вина и молча наблюдала за игрой дочери. Иногда эти занятия затягивались до рассвета. Из-за этого Хайяо даже заработала хронический тендовагинит.

У Цинь Цинь был скверный характер и полное отсутствие терпения к дочери. Всё должно было идти строго по графику. И если Хайяо не справлялась, доставалось и ей, и учителям.

Спустя полгода.

На выпускном вечере Хайяо в элегантном платье безупречно исполнила «Ночную мелодию». Зал взорвался аплодисментами. Одинокая, хрупкая фигура за инструментом рождала мелодию, которая в точности отражала её внутреннюю боль. Под светом прожекторов она казалась неземной.

За кулисами учительница со слезами на глазах крепко обняла её:

«Сяо Хай, ты со всем справилась. Моя работа окончена».

Хайяо лишь молча кивала, глотая слёзы. Она знала — в её жизни никто не задерживался надолго. Мать этого просто не позволяла.

Позже, когда она играла для Ихань и видела её восхищённый взгляд, Хайяо улыбалась, хотя на душе скребли кошки. Ей нравилось, когда Ихань наклонялась к ней для поцелуя, стирая привкус горечи. Тогда Хайяо шептала ей на ухо: «А-Хань, мы пьём так часто, будто это наша свадебная чаша. Если бы мы жили в древности, я бы давно стала твоей женой. Пожалуйста, никогда не забывай меня... не бросай».

Какая глупость.

Тогда Ихань казалась ей такой наивной. Должно быть, Хайяо в её глазах выглядела очень забавной?

Шумный зал бара встретил её грохотом музыки и неоновыми вспышками.

У входа её заметила владелица заведения, сестра Жань:

— Сяо Хай, наконец-то ты пришла!

После того как Синди угодила за решётку, Жань-цзе постепенно оборвала связи с семьёй Цинь, сосредоточившись на бизнесе и ожидании подруги.

Хайяо, кутаясь в чёрный плащ, лишь вежливо улыбнулась в ответ и скользнула взглядом по залу. Вскоре она заметила ту, ради которой пришла.

Громкая музыка, алкоголь и танцующая толпа — здесь было легко забыться. Какая разница, что будет завтра, если сегодня можно сгореть без остатка?

Жуань Ихань сидела в вип-зоне, перед ней стоял нетронутый коктейль. На душе у неё было скверно и душно.

Рядом вовсю веселилась Сун Хэ, пытаясь расшевелить подругу:

— Эй, А-Хань, ну же! Давай, зажигай! Шевелись!

Ихань лишь раздражённо вздохнула. Иногда ей казалось, что у её подруги вместо мозгов погремушка. Бабушка всегда говорила, что её окружают сомнительные личности, и теперь Ихань начинала понимать её правоту. Сначала Синди, предавшая её ради выгоды, теперь вот Сун Хэ, не отличающаяся умом.

Сун Хэ тем временем увлечённо тянула шею к сцене:

— Слушай, говорят, сегодня выступает какая-то загадочная группа. И у них нереально крутая солистка. Она редко появляется и никогда не выступает по графику — чисто под настроение. Как же её зовут?.. А, вспомнила! Хань Яо!

Для Ихань, державшей половину шоу-бизнеса, все эти местечковые группы не представляли никакого интереса.

Сун Хэ продолжала прыгать от нетерпения:

— Если она окажется красоткой, А-Хань, ты просто обязана подписать её в свою компанию! Помоги подруге, мне срочно нужна любовь!

Ихань лишь хмуро буркнула что-то неопределённое. Ей всё ещё нужно было поддерживать образ беспечной тусовщицы, поэтому компания Сун Хэ была как нельзя кстати.

Вскоре на сцену вышли музыканты. Зал взорвался тяжёлым роком. У Ихань от грохота

разболелась голова, и она уже собиралась уйти, когда толпа взревела в едином порыве.

Сун Хэ ошарашенно вытаращила глаза:

— Мать твоя... Сестра Яо?!

Ихань резко обернулась.

На сцене стояла Цинь Хайяо. Распущенные тёмные волосы, облегающее чёрное платье, высокие каблуки, подчёркивающие безупречную линию бедер. В руках она держала гитару. Набросив ремень на плечо, она бросила в зал короткий жест.

Толпа буквально зашла в экстазе:

— Сестра Яо! Сестра Яо!

— Хань Яо! Хань Яо!

У Сун Хэ отвисла челюсть, а Ихань застыла как вкопанная. Хайяо уверенно ударила по струнам, выдавая мощный, грязный рифф, а затем, тряхнув головой, запела — дерзко, порочно, властно:

"Хочешь, чтоб была я холодна, и тут же — порочна и покорна?

Хочешь видеть меня яркой, но чтобы пламя страсти не угасало?

Играешь с моими слезами, смеешься над моим омертвелым сердцем,

Даруешь мне сладкий сон, чтобы я тут же проснулась..."

Песня «Легковоспламеняющийся и взрывоопасный» в её исполнении звучала невероятно сексуально и дико. Весь бар хором подпевал ей, превращая выступление в безумный концерт.

Ошарашенная Сун Хэ подтащила к себе Жань-цзе:

— Это как вообще понимать?

Жань-цзе пригубила коктейль и усмехнулась:

— Сяо Хай иногда заглядывает к нам поиграть. Сама видишь, её тут обожают.

Сун Хэ перевела взгляд на подругу:

— А-Хань, ты знала?..

Договорить она не успела, наткнувшись на ледяной, почти бешеный взгляд Ихань.

На сцене Хайяо была ослепительна. Свободная, хищная, манящая. В ней не осталось и следа от той хрупкой, беззащитной девушки, которой она притворялась. Она была как чёрная роза — прекрасная и смертельно опасная. Каждое её движение, каждый взгляд в зал заставляли сердца мужчин и женщин биться чаще.

Ихань прищурилась. Хайяо точно знала, что она будет здесь.

Цинь Хайяо... доктор Цинь, учитель Цинь, певица Хань Яо... Сколько ещё у неё масок? Ихань чувствовала себя круглой душой, которую годами водили за нос.

Раньше она оберегала её как нежный цветок, учила разбираться в винах, заказывала самые дорогие коктейли. А Хайяо лишь мягко улыбалась и игриво указывала пальчиком на свои губы, прося поделиться напитком.

Ихань, млея от нежности, целовала её, передавая вкус алкоголя из уст в уста.

А потом они, хмельные и счастливые, шептали друг другу глупости. Хайяо прижималась к ней и лепетала: «Мы выпили столько чаш, А-Хань, теперь ты обязана на мне жениться...»

Какая же она была дура. Наверное, Хайяо в душе знатно потешалась над её наивностью?

Песня закончилась. Хайяо помахала залу рукой и, уходя со сцены, бросила мимолётный, но обжигающий взгляд на Ихань. В её глазах читался откровенный вызов.

Спустившись за кулисы, она вернула гитару техникам, бросила пару слов музыкантам и направилась к гримёркам.

От выступления тело горело, промокший плащ и платье неприятно липли к коже. Ей нужно было переодеться.

Она шла медленно, словно давая кому-то возможность догнать её. По пути с ней здоровались молодые ребята из других групп:

— Сестра Яо!

— Крутое выступление, сестра Яо!

Многие звали её стать постоянной вокалисткой, но она всегда отказывалась. Музыка была лишь её несбывшейся мечтой. В этой жизни её душа давно была продана дьяволу, а Ихань оставалась единственным светлым пятном. Она больше не боялась боли. Терять ей было нечего.

Зайдя в гримёрку, Хайяо заперла дверь. Сбросив мокрое платье, она осталась в одних чёрных чулках. Вместо платья она накинула просторную белую мужскую рубашку, едва прикрывавшую бёдра.

Благодаря регулярным тренировкам её фигура была безупречной. Высокие каблуки визуально удлинляли ноги, а в полумраке её точёные бёдра казались покрытыми тончайшим слоем матового воска, мягко отражающим свет.

Она приоткрыла дверь, оставив её слегка приоткрытой, и прислонилась к стене рядом с проёмом.

Через пару минут в коридоре раздался знакомый, уверенный стук каблуков.

Сердце Хайяо забилося как сумасшедшее. Она закрыла глаза и беззвучно начала отсчёт:

«Три».

«Два».

«Один».

Дверь со скрипом распахнулась, и в комнату ворвался знакомый холодный аромат мяты. В ту же секунду Хайяо резко шагнула вперёд, хватая вошедшую за плечи и с силой прижимая её к стене.

<http://bllate.org/book/20651/2146445>